

Алексей Анатольевич Громыко –

доктор политических наук, заместитель
директора Института Европы РАН

Малая Европа – Россия – США: стратегии геополитического выживания

Какие варианты стратегического развития существуют для Малой Европы (государств-членов Европейского союза) в ближайшие десятилетия? Логичным представляется продолжение его становления в качестве автономного центра влияния в XXI столетии. И здесь есть два пути приращения этого влияния: либо инерционный – с помощью уже выработанных методов «силы примера» – привлекательности модели развития, «мягкой силы», либо модернизационный – с помощью дальнейшей федерализации, в том числе шагов по построению единой внешней политики.

Первый путь более легкий, не требующий новых серьезных институциональных изменений, но менее вероятный на фоне глубокого кризиса европейской модели развития. Модернизация или смерть – именно такая дилемма, считают многие, стоит перед ЕС. Кроме того, когда еврозона сталкивается с возможностью распада, отдельные ее члены – фактически банкроты, безработица бьет рекорды, а одна из ведущих стран ЕС раздумывает над возмож-

ностью выхода из него, трудно убеждать соседние страны в том, что твоя модель развития самая лучшая и привлекательная.

Второй путь – качественные изменения в ЕС – более трудный, с менее предсказуемыми последствиями и риском чрезмерного разгона ЕС по пути «многоскоростной Европы», в которой центробежные силы могут взять верх. Но, по крайней мере, он давал бы надежду на то, что если проект качественно изменится, то его гравитационное поле восстановит свою мощь. В конце концов, даже в своем нынешнем ослабленном виде на Малую Европу приходится половина всех мировых расходов по статье «международное развитие», что является мощной проекцией ее «мягкой силы». Большинство входящих в ЕС стран – мировые лидеры в стандартах жизни, что также не может не привлекать, – на них приходится более половины всех мировых социальных расходов. Но для этого пути «мягкой силы» будет уже недостаточно. Геополитический вес в XXI веке, как убедительно считает Джозеф Най, станет определяться «умной силой», комбини-

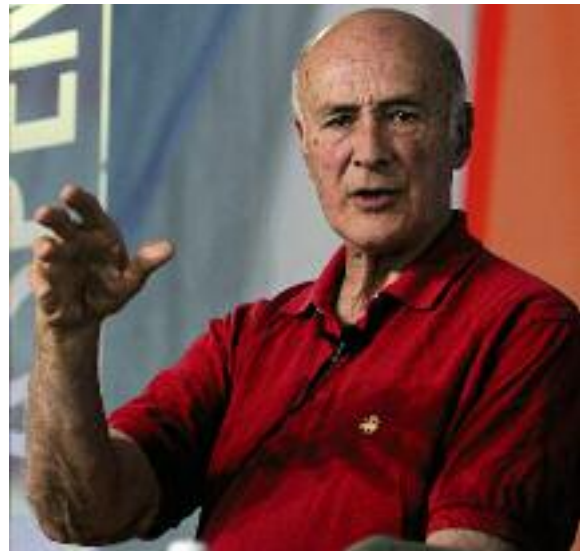
рующей различные стратегии, представляющие то или иное сочетание сил «мягкой» и «жесткой». Представляется, что наиболее активная часть политического класса ЕС выбрала именно этот путь.

В то же время точка зрения о необходимости приращения геополитической роли Малой Европы имеет немало критиков, считающих, что уже в своем нынешнем виде она страдает от стратегического перенапряжения. Одно из главных препятствий как для внутреннего, так и внешнего единства Евросоюза — его разношерстность, которая достигла своего пика после мегарасширения 2004 и 2007 гг. Постоянно возрастающая неравномерность социально-экономического развития — ахиллесова пята ЕС. Однако обращает на себя внимание то, что в последние годы основными проблемными странами стали даже не младевропейцы, а страны периферии, к которой принадлежат не только вступившие в ЕС в 1973 г. Ирландия, в 1981 г. — Греция и в 1986 г. — Испания и Португалия, но и одно из государств-основателей — Италия. Таким образом, проблемы интеграционного проекта, обнаженные мировым экономическим кризисом, имеют намного более глубокие корни, чем волны расширения в начале XXI столетия.

К настоящему времени внутреннее строение ЕС базируется не столько на принципе многосторонности, сколько на мини-многополярности, где различные внутрирегиональные центры силы в виде отдельных государств или их группировок не только сотрудничают, но и регулярно вступают в противоречия. К этому внутреннему стратегическому перенапряжению добавляется и внешнее, когда зона влияния Малой Европы, как бы она ни называлась,

охватывает уже и значительную часть постсоветского пространства, и Ближний Восток, и Средиземноморье.

Иной вариант стратегического развития необходим в том случае, если считать Малую Европу затухающим центром силы вне зависимости от того, будет ли она продвигаться по инерционному пути или по пути «больше Европы», то есть через глубокое реформирование и федерирование. В этом

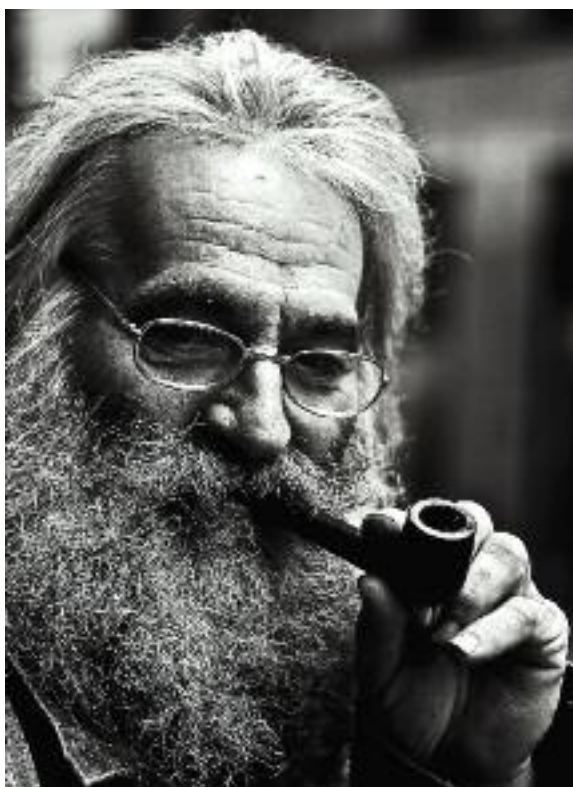
Геополитический вес в XXI веке, как убедительно считает Джозеф Най (на фото), станет определяться «умной силой», комбинирующей различные стратегии, представляющие то или иное сочетание сил «мягкой» и «жесткой». Представляется, что наиболее активная часть политического класса ЕС выбрала именно этот путь.

случае встает вопрос о том, с помощью каких внешних факторов ЕС решать проблему своей постепенной стратегической маргинализации, другими словами — посредством приобретения каких союзников прекратить снижение своего геополитического веса. Действительно, каких бы успехов ни добился Евросоюз в ближайшем будущем, на него по-прежнему будут оказывать развешивающее влияние три фундаментальных фактора. Один из них — демографический. В 1900 г. население Европы составляло четверть от мирового, в 2060 г. этот показатель может упасть до 6 процентов, из которых треть — люди старше 65 лет. Второй — постепенное снижение конкурентоспособности экономики ЕС. Третий, связанный с первыми двумя, — постепенное снижение его доли в мировом ВВП.

Как отдельные государства, становясь членами Евросоюза, получали от интеграционного проекта «прибавочную стоимость» и дополнительные рычаги по защите своих национальных интересов и внутри ЕС, и вне него, так теперь

он сам может воспользоваться тем же — вступить в интеграционные проекты более высокого уровня с наиболее близкими ему мировыми центрами влияния. Для последних такая интеграция, предложенная на равных условиях, безусловно, будет привлекательной. Малая Европа — глобальный игрок в международной торговле, инновационных отраслях, в науке, образовании, социальных и технических стандартах, в международном развитии и постконфликтном регулировании и восстановлении.

В то же время ЕС в силу своих проблем не находится в привилегированном положении того центра влияния, за внимание которого соперничают другие серьезные игроки. Надо сказать, что в Большой Европе не менее остро вопрос о геополитических партнерах стоит и перед Россией. Для обоих этих центров трансрегионального влияния существует опасность вытеснения на вторые и третьи роли в случае, если доминирующее положение в мире займут геополитические комбинации без их уча-

На Евросоюз по-прежнему будут оказывать разъедающее влияние три фундаментальных фактора. Один из них – демографический. В 2060 г. население Европы может составлять лишь 6 процентов от мирового, из которых треть – люди старше 65 лет. Второй – постепенное снижение конкурентоспособности экономики ЕС. Третий – постепенное снижение его доли в мировом ВВП.

стия, такие как Чаймерика или триумvirат США–Китай–Индия (вариант триполярного мира).

Очевидно, что таких союзников, интеграция с которыми может решить проблемы снижения роли Малой Европы в мире, только два – Россия и США. Более влиятельных партнеров в ареале европейской цивилизации у ЕС нет. Включение в его ряды Турции умозрительно можно рассматривать как придание интеграционному проекту свежего дыхания (увеличение общей численности населения более чем на 70 миллионов человек, обретение проектом мультицивилизационного характера, геополитическое вклинивание ЕС в Азию), но вероятность этого мала. И это,

возможно, показатель не слабости ЕС, а его здравомыслия. Ясно, что в ближайшие 10 лет его главная задача – разобратся с проблемами в собственном доме, а не импортировать новые. Не надо забывать, что решение о придании Турции статуса страны-кандидата в 1999 г. и начало переговоров о вступлении в 2005 г. пришлись на период европейского «головокружения от успехов» и ретроспективно выглядят преждевременными. Однако в будущем нельзя исключать, что при неблагоприятном стечении обстоятельств, когда другие альтернативы будут отсутствовать, членство Турции в ЕС может превратиться в его единственный геополитический козырь. Тем более что Анкара располагает бессменной поддержкой в

этом вопросе Лондона, ряда крупных политических фигур, включая бывшего министра иностранных дел Германии Йошку Фишера.

Возвратимся к первому варианту – проекту Большой Европы. Для ЕС он проблемный по целому ряду причин. Среди них, например, значительные антироссийские настроения, особенно в некоторых странах Восточной Европы и Прибалтики, различия в экономических и социально-политических структурах, по крайней мере, между Россией и наиболее развитыми государствами ЕС, несовпадения по ряду стратегических целей и задач, амбиции дальнейшего роста – если не за счет увеличения числа государств-членов ЕС, то за счет увеличения сферы

его влияния. Но, безусловно, и плюсов не меньше с учетом российских территорий, людских и природных ресурсов, передовых позиций в отдельных стратегических областях (атомной, космической, военной, энергетической, потенциально – инфраструктурной). По ряду фундаментальных экономических параметров – рост ВВП, высокая занятость, мизерный бюджетный дефицит или профицит, низкий государственный долг, пятые в мире золотовалютные резервы, невысокая доля государства в экономике, низкие налоговые ставки – Россия привлекательна. И при всех доморощенных проблемах потенциал ее развития велик. Кроме того, союз с ней был бы союзом равных.

Второй вариант союзничества – новая трансатлантическая сделка с США – испробованный и понятный. Проект по созданию трансатлантической зоны свободной торговли (ТЗСТ) – движение в этом направлении. Однако этот вариант означает крест на общей политике безопасности и обороны (ОПБО), а также роль младшего партнера, отказ от собственных внешнеполитических и геополитических амбиций, добровольную зависимость от «большого брата», поведение которого не всегда предсказуемо. ЕС должен будет разделить с США бремя «жесткой силы», в первую очередь в рамках бюджета НАТО, как того давно добивается Вашингтон. Но в реальных ценах оборонные расходы ЕС снизились в 1988–2005 гг. на 9 процентов. Эта тенденция лишь ускорила с приходом мирового экономического кризиса. США тратят на военные расходы в два раза больше, чем 27 стран ЕС вместе взятые. Но главное – такой проект будет направлен на спасение Вашингтонского консенсуса, который скорее мертв, чем жив,

и то благодаря аппарату искусственного дыхания под названием «неограниченная эмиссия американского доллара». Что касается ТЗСТ, то выгоды от нее далеко не очевидны, учитывая сельскохозяйственную политику Евросоюза, его неприятие генномодифицированной продукции и многое другое. Запущенные переговоры обещают быть долгими и трудными. Не успев начаться, они уже дали повод в июне 2013 г. для словесной перепалки между Еврокомиссией и Францией, которая стоит на страже среди прочего своей индустрии культуры. Вслед за этим, благодаря откровениям Эдварда Сноудена, разгорелся скандал, связанный с незаконной прослушкой американскими спецслужбами зарубежных лидеров, в том числе европейских, представительств ЕС и других европейских организаций в США. Если даже переговорам будет сопутствовать удача, речь идет о снижении торговых барьеров на считанные проценты, что немало, учитывая масштабы рынков, но вряд ли может претендовать на стратегический прорыв.

Считается, что компенсацией добровольного ухода Малой Европы на вторые роли станет возможность влиять на политику Вашингтона изнутри. В реальности этот путь уже не раз доказывал свою несостоятельность и тупиковость, в последний раз — на примере ближайшего союзника США в Европе — Великобритании, погубив в результате иракской эпопеи политическую карьеру Тони Блэра. И все же возвращение интегрированной Европы в лоно Америки всерьез обсуждается в западноевропейских экспертных кругах. Но проблем с антиамериканизмом в Европе не намного меньше, чем с антироссийскими настроениями. Репутация Соединенных Штатов по-

лучила оглушительный удар из-за их роли закоперщика мирового экономического кризиса. Привлекательность американской модели развития померкла. Страна как никогда разделена на два противостоящих политических лагеря. Но важнее даже другое: если США находятся в фазе спада, то не станут ли они той самой соломинкой, за которую хочет ухватиться Европа?

Действительно, доля и США, и ЕС-27, как и его ведущих экономик, в мировом ВВП снижается и, судя по прогнозам, будет снижаться, в то время как доля большинства экономик БРИКС и дальше продолжит увеличиваться. Россия на сегодняшний день здесь является, к сожалению, слабым звеном. При нынешней структуре ее экономики и даже

неблагоприятная для США, Малой Европы и в меньшей степени для России динамика в изменении баланса сил в мире, не дают им оснований рассчитывать на успех с опорой на консервацию имеющихся геополитических позиций. Нужны новые решения, новые большие идеи.

Но вероятность такого проекта еще меньше, чем обоих предыдущих. Во-первых, Соединенные Штаты, судя по всему, еще долго будут оставаться в плену «однополюсных» иллюзий, насколько дискредитированными к настоящему времени они ни были бы, а следовательно, не согласятся даже с ролью первого среди равных в обозначенном треугольнике. Во-вторых, в силу малозаметного присутствия ЕС как субъекта мировой геополитики (за

Перед Большой Европой и Россией остро стоит вопрос о геополитических партнерах. Для них существует опасность вытеснения на вторые и третьи роли в случае, если доминирующее положение в мире займут геополитические комбинации без их участия, такие как Чаймерика или триумвират США–Китай–Индия.

в случае продолжения умеренного экономического роста в 3–4 процента доля страны в мировом ВВП будет либо сохраняться на имеющемся уровне, либо уменьшаться.

Теоретически существует и третий вариант — «концерт держав» XXI века в треугольнике Россия — Малая Европа — США. Эта конфигурация избавила бы Евросоюз от необходимости сблизиться либо с США, либо с Россией, объединила бы все мегапространство европейской цивилизации, гарантировала бы ему ключевую роль в мировой политике на десятилетия вперед. Союз такой «большой тройки» не имел бы себе равных ни в экономическом, ни в военном, ни в политическом смысле. Причем проблемы в их внутреннем развитии, как и

исключением фасада такой субъектности в виде Европейской службы внешних действий) ясно, что в обозримом будущем в лице ЕС Россия и США в реальности имели бы дело в основном с ведущими национальными столицами Евросоюза, а не с его наднациональными органами. Такое положение вещей могло бы только консервировать нынешнюю стагнацию в развитии коммунитарной сферы внешней политики, безопасности и обороны ЕС, маргинализировать те страны-члены, которые по геополитическим параметрам входят во второй или третий эшелон.

Потенциал у такого геополитического треугольника, возможно, и есть, но до него должны были бы дозреть и Малая Европа, и США.